

Игнатий Потапенко

Шестеро

Игнатий Николаевич Потапенко

Шестеро

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=622785

Аннотация

«— Эх, эх, эх, эх! — вставил до сих пор молчавший о. Панкратий. — Хорошо ему рассуждать, коли у него детей нет, а вот как у отца Антония их шестеро, так не то что в тон не попадешь, а и рясу наизнанку иной раз наденешь.

— Да, если бы не дети! — со вздохом промолвил о. Антоний, — если бы не дети!..»

Содержание

I	4
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Игнатий Николаевич Потапенко Шестеро *Рассказ*

I

– Ох, мученица я, мученица-страстотерпица, да и только! И вот же к другим господь милосерд! У перекопского дьяка прошлым летом двоих в одну неделю прибрал... Да чего ты раздираешься? Ну, чего, скажи, бога ради, чего-о?

– Натонька, Натонька, Христос с тобою, что ты говоришь? Грех даже думать такими мыслями, а ты слова говоришь... Ах ты, боже мой!

Натонька лежала, свернувшись в клубок, на коротеньком неуклюжем диванчике, обитом зеленым трипом, с желтыми пятнами в различных местах. В крепко натопленной комнате с низким и слегка покатым потолком, с маленькими окнами, зеленоватые неровные стекла которых придавали пропускаемому ими свету печальный сероватый оттенок, было душно и пахло дымком, но, несмотря на это, Натонька вздрагивала и плотнее прикрывалась старою касторовою рясой отца

Антония. В комнате стоял невообразимый гвалт, производимый шестью ребятишками, из коих старшему было семь лет, а самый младший еще только пытался ползать по дырявому ряденцу, разостланному на полу. Вся эта компания играла и шумела, причем старший, Тимошка, изображал священника, подражая в манерах и интонации местному настоятелю, отцу Панкратию, а прочие выполняли обязанности причетников, «тытаря»¹ и прихожан. Но именно «тытарь», роль которого досталась четырехлетней Паше, в чем-то сбился, за что получил от пятилетнего разбойника Васьки тяжеловесную затрещину. За Пашу заступилась шестилетняя Маринка, бледная девочка с серьезным, задумчивым выражением глаз, на Маринку наступал Тимошка, подымался общий рев, и все это тянулось к коротенькому дивану за утешением. Натонька, у которой трещала голова и разламывало кости, должна была каждую минуту вставать и чинить суд и расправу. Понятно, что это ее раздражало и доводило до бешенства. А отец Антоний сидел за небольшим четырехугольным столиком, спиной к Натоньке и к детям, и, широко разложив на столе свои локти в обе стороны и наклонившись всем туловищем вперед, усердно писал метрическую книгу. Со дня на день в село ожидался благочинный, у которого во всякое время может явиться желание проревизовать книги, а отец Антоний, из-за болезни Натоньки, запустил это дело. Между тем для него очень важно, чтобы благочинный нашел

¹ «Тытарь» – искаженное «ктитор», церковный староста.

все в исправности.

И он ужасно торопился, до такой степени торопился о. Антоний, что предоставил Натоньке жаться от лихорадочной дрожи под его касторовую рясой и не расспрашивал, что у нее болит и как она себя чувствует.

В оконце видна была церковь, площадь около церкви и часть замерзшей реки. На площади, и на церковной крыше, и на низком берегу речки, и на самом льду лежало ровное, гладкое и блестящее на солнце белое покрывало из свежего, выпавшего ночью снега. Мужик в кожухе с заплатами, в сивой шапке и в высоких сапогах, оставлявших на мягком снегу полуаршинные следы, вез по льду свежесжатый камыш. Худая лошаденка ступала по гладкой дороге легко, а деревянные полозья с загнутыми кверху передками, казалось, катились за нею сами собой.

– Ты бы пустила, Натонька, ребят на улицу. Пусть бы снежком поиграли. Славно так на улице! – сказал о. Антоний, не переменяя позы и продолжая писать метрическую книгу.

– Ах, да пускай бегут! Пускай хоть сквозь землю провалятся! Дай ты мне минуту покоя! – надрывающимся голосом воскликнула Натонька и с шумом повернулась на другой бок, лицом к спинке дивана.

Отец Антоний покачал головой, но ничего не сказал. «Ох ты, господи, господи! Какие слова! – думал он. – Это болезнь в ней говорит, а сама-то она не чувствует так, сама-то добрая

Натонька... Ах, бедняжечка!»

И стал он думать о том, как бы выгнать из Натоньки эту болезнь, которая бог знает с чего привязалась к ней. Фельдшер смотрел ее и сказал, что лихорадка. И два года уже тянется эта лихорадка. Походит Натонька, походит денька три, а там и сляжет да неделю и валяется. А то и на ногах ходя перемогаются, жметесь и охает. И на грудь жалуется, и кости ей ломит; бог ее знает, что за болезнь. Советовался о. Антоний с одним знакомым доктором в городе. Доктору-то приехать в село нельзя, времени нет, а город далеко, сорок верст, — где тут зимой тащить больную? Да и сама Натонька не хочет, никак не уговоришь ее. Это, говорит, так, легкая простуда, — весна придет, солнышко пригреет, и сама пройдет. Фельдшер порошки хинные давал, но от них только пуще в голове шумит, а помощи никакой. Одна тут баба есть, Метеличиха, коренья какие-то давала, настой велела делать и по понедельникам да по пятницам натошак пить, — тоже ничего не помогает. Может, оно и в самом деле, как весна придет, солнышко вылечит. Ребятишки вот очень раздражают ее. Ей бы полежать да соснуть хорошенько, а они тормошат ее. Вот она и из себя выходит, и слова говорит такие, которых в сердце у ней вовсе нет. А заменить ее некому. Сестра его, о. Антония, изредка наезжает. Живет у братьев по очереди. Не выписать ли ее теперь из Тягинки? Что-то на этот раз Натонька крепко залегла. А все от бедности. Приход небогатый, а у него еще дьячковская вакансия, потому что дьякона в при-

ходе совсем по штату не полагается. Получает двадцать копеек с рубля. Вот и живи, как хочешь. Шутка ли, за восемь лет супружества шестерых ребят наплодили! А ему-то всех 28, да Натоньке 26, сколько это еще у них детишек может быть и чем их кормить, да одевать, да обувать? Вот ежели бы архиерей смилостивился да во священника рукоположил, другая бы жизнь пошла. Натонька себе в помощь какую-нибудь женщину взяла бы и поправилась бы, детей бы воспитать можно, в люди вывести; а то ведь, пожалуй, придется без науки оставить, а уж это, по нынешним временам, такая беда, что хуже не надо. Да, если бы владыка смилостивился, хорошо было бы!

Перед самыми оконцами прокатили городские аккуратные нарядные сани, запряженные парой, и проехали мимо. Отец Антоний сейчас узнал их и того, кто в них сидел.

– Гм... А вот и благочинный приехал. Сейчас к отцу Панкратию прокатил, – вслух сказал он. – Эх, а метрические-то книги не готовы. Но авось не потребует. Пойти спросить – не было ли чего по моей части...

И он встал из-за стола, аккуратно посыпал свое писанье песочком, высыпал песок обратно в стеклянную баночку и, бережно закрыв книгу, отложил ее к стене.

– Ну, детвора, одевайся! Сейчас на улицу выпущу. Ну, ну, Тимошка, одевай Пелагею, Васька – Аксютку, а Маринка Сашу в саночках повезет. Живей!

– Ох, боюсь, как бы они Сашу не уронили! – больным го-

лосом промолвила Натонька.

«Ишь ты, ишь ты, – подумал о. Антоний, – слова-то какие страшные говорит, а сама боится за детей, самой жалко. То-то!»

– Нет, ничего, Маринка у меня умница! Ты, Натонька, не тово... не тревожься. Уж я сам все устрою. Ты поспи, поспи... Оно к вечеру и здоровехонька будешь.

Ребятишки между тем бросили игру и принялись одевать друг друга. Жалобный писк сменился восторженным криком, потому что все были рады яркому солнцу и белому снегу. Через три минуты гвалт уже перешел на церковную площадь. Комья снега полетели в разные стороны. Потомство о. Антония резвилось с самым беспечным весельем, не обращая внимания на то, что на них была надета невозможнейшая рвань с дырками и заплатами.

– Ишь ты, как кувыркаются! Радые какие! – воскликнул о. Антоний, глядя в окошко и в то же время надевая поверх кафтана зимнюю рясу.

– Ты прикажи им на лед не бегать, а то там ополонка есть, того и гляди влетят в ополонку, – сказала Натонька.

– Да уж ладно, уж ты не беспокойся, ты спи себе, голубка, спи... Э, ничего, поправимся. Даст бог, владыка смилуется, ну, и тово... желание наше... тово... сбудется. Тогда и поправимся! Спи себе, Натонька, а я к отцу Панкратию сбегаю, может, благочинный что знает... – Отец Антоний нагнуллся и поцеловал Натоньку в лоб.

– Марья пускай на ребят поглядывает, – промолвила Натонька, провожая его глазами.

Дьякон сделал ей рукой успокоительный жест и вышел в сени, осторожно притворив за собою дверь. В темных сенях он нащупал другую дверь и заглянул в миниатюрную кухню. Марья с подтыканного спидницей ² толкла в небольшом горшочке сало для засмажки ³ борща. Это была молодая, здоровая, краснощекая девка с необычайно живым и веселым лицом. Эта Марья, у которой отец был горький пьяница, а мать вечно лежала с им же переломанною ногой, благодаря чему в хате у них было нусто и холодно, всегда была весела и ни минуты не оставалась без песни; и не было такого парня в селе, который, проходя мимо нее, удержался бы, чтоб не ущипнуть ее за мясистую руку или не смазать всею ладонью по спине. А она в ответ на это визжала и заливалась смехом. Марья и теперь, помешивая засмажку, мурлыкала какую-то песню.

– Слушай, Марья, ты на детей поглядывай, чтобы на речку не ходили, – сказал ей дьякон и прибавил вполголоса: – А ежели какой заплачет либо озябнет или что другое, возьми в кухню, а в горницу не пускай, – матушке отдохнуть надо. Слышала?

– А вже ж слышала, хйба ж я глухая! – скаля зубы, ответила Марья.

² юбкой (укр.).

³ приправы (укр.).

Дьякон опять очутился в темных сенях и, нащупав уже третью дверь, вышел на улицу. Глубокий снег закрыл и дорогу к церкви, и тропинку к дому о. Панкратия. Только мелкие следы детских ног да две параллельные полосы от саней благочинного портили эту белоснежную гладь, отражавшую своими бесчисленными кристаллами яркие лучи солнца. Мороз стоял изрядный, но тем приятнее было чувствовать на своем лице и на руках как бы чуть-чуть пробивающуюся сквозь морозный воздух солнечную теплоту.

О. Антоний, глубоко ступая сапогами в снег, повернул направо и пошел прямо к дому настоятеля.

О. Панкратий Шептушенко жил в церковном доме, который сам для себя построил, и, надо отдать ему справедливость, построил крепко и удобно. С внешней стороны этот дом не блистал архитектурными красотами, но зато он был длинен и широк, вдвое выше любой мужицкой хаты, с железною крышей и, главное, каменный, тогда как все население деревни ютилось большею частью в землянках и только «богачи» возводили свои замки из желтой глины, смешанной с кизяком. К дому были и службы подходящие: конюшня, скотный загон, поместительный амбар, множество сараев и сарайчиков и, вдобавок ко всему, целая десятина сада, по преимуществу вишневого, но не без яблони и не без груши. Все это было построено на земле церковной, т. е. отведенной обществом в вечное владение причта, и на деньги церковные, т. е. пожертвованные опять-таки теми же самыми

прихожанами, и некогда, лет пятнадцать тому назад, предназначалось для всего причта, но о. Панкратий нашел, что по его обширному хозяйству весь этот дом, со всеми принадлежностями, как раз будет впору ему одному, и предоставил остальному причту жить в наемных хатах, не возбраняя, впрочем, строить и собственные. Причт сначала подумывал было о том, чтобы жаловаться по начальству, но, приняв во внимание дюжину жирных стогов хлеба и четыре огромнейших скирды сена, стоявших на току у о. Панкратия, две полные засеки еще прошлогоднего зерна, пятерку шустрых и крепких лошадей, чуть не целое стадо коров, тысячу овец, «дилижан»⁴ крытый и «дилижан» простой, да еще одноколку, – приняв все это во внимание, а также и то, что о. Панкратий находился в добрых отношениях со всею консисторией, причт пришел к заключению, что о. Панкратию действительно как раз под стать занимать весь церковный дом.

О. Панкратий Шептушенко среди губернского духовенства был один из очень немногих. Это был священник-помещик или, лучше сказать, арендатор, потому что церковной земли было у него немного, каких-нибудь полсотни десятин. Попад в небогатый приход, о. Панкратий обратил свое внимание на землю и вот уже лет двадцать как он вел обширнейшее хозяйство, засевая ежегодно не менее двух тысяч десятин земли, а в последние годы он даже держал в долго-

⁴ Особого рода повозка, перенятая зажиточными поселянами у немцев-колонистов. (Примеч. И. Н. Потапенко.)

срочной аренде целое имение соседнего помещика Антюхина, который сошел с ума и оставил дела в неопределенном положении.

Особенно деятельно о. Панкратий занялся землей после того, как похоронил еще в цветущем возрасте жену, оставившую ему сына и дочку. От скуки ли, или по врожденному влечению, он весь погрузился в хозяйство. Он вел обширные связи с городскими торговцами; купцы из русских и евреев бывали у него запросто, осматривая его засеки, ощупывая овечью шерсть и пробуя творог да сметану. О. Панкратия можно было видеть в городе на ярмарке торгующим или меняющим лошадей, договаривающим целую партию косарей с громадильницами⁵, ссыпаящим зерно из своих мешков в хлебные склады.

Все он любил делать сам, и на все у него хватало энергии и здоровья. Теперь ему было уже под шестьдесят, но старческие болезни еще не пришли к этому бодрому, цветущему старику, у которого и седых волос-то было немного. Скинув рясу и каким-то особенным способом прищиплив кверху полы кафтана, о. Панкратий властно ходил по городскому базару в своих высоких сапогах и меховой шапке, переходя от торговца к торговцу, разузнавая цены и заключая сделки. В таком виде можно было застать его и в самой задней комнате трактира, куда он прошел через хозяйское помещение («чтобы не было соблазна»), в компании хлебного, молочного или

⁵ Громадильница – конные грабли.

шерстяного торговца, где уговаривались и писали условия. И никто не дивился его духовному кафтану в столь неподходящей обстановке, потому что к этому все привыкли давно.

О. Антоний вошел в обширный двор о. Панкратия. Сани благочинного стояли посреди двора, лошадей не было видно – их отвели в конюшню. По двору, с середины которого снег был сметен в одну кучу, бродили куры, гуси, утки и вместе с ними свиньи; два огромных пса, при виде его, гневно зарычали и с лаем кинулись к нему, но тотчас узнали в нем своего человека и принялись вилять хвостами и лизать ему руки. Дом выходил во двор широким и длинным закрытым крыльцом. Сюда вошел о. Антоний. Здесь, на небольшом дубовом столике, приготавливала закуску старая экономка о. Панкратия, какая-то дальняя его родственница. Рыбец – розовый, мясистый и жирный – лежал уже на тарелке готовый; нарезывался балык, чистился лук, и тут же лежали крупные маслины.

– Доброго здоровья, Аксинья Мелентьевна! – сказал о. Антоний, кивнув ей несколько раз головой, и начал выделять трепака на постланной у входа рогоже, стараясь отряхнуть снег от сапог.

– Гу-у-мм... – кисло протянула Аксинья Мелентьевна и, бросив на стол вилку и нож, обеими руками ухватила за левую щеку. – Затворяйте двери, отец Антоний, а то холодом так и несет... У меня зубы!..

О. Антоний поспешил притворить дверь.

– Отца благочинного можно повидать? – спросил он ласковым голосом.

– Вы не поверите, как я страдаю зубами! – сказала ему в ответ Аксинья Мелентьевна. – И что ни делала, ничего не помогает! Такое страдание! Иной раз думаешь, если б только не грех, руки на себя наложила бы! Ей-богу!

– А вы бы ладану положили. Вы не пробовали ладану? Очень помогает! – посоветовал о. Антоний.

– От ладану зуб крошится, я пробовала. А как здоровье вашей супруги, отец Антопий, Натальи Парфентьевны? все хворает, а?

– Хворает, бедняга, уж не знаю, чем и облегчить ее...

– Ах, отец Антоний, это не приведи бог, когда хозяйка в постели! Не приведи бог. У вас ведь детей куча!.. А как она, на грудь не жалуется?

– Бывает... Ломит у нее в груди и тоже задышка бывает...

– Гм... Знаете, что я думаю, отец Антоний? Вы не обидьтесь, а только я думаю, что у нее чахотка... У меня муж от чахотки помер и тоже вот так все маялся – года три.

О. Антоний посмотрел на нее большими, испуганными глазами.

– Что это вы, господь с вами, какое слово сказали? И как это у вас язык повернулся... Господи ты боже мой!.. – И он даже перекрестился. – Можно, что ли, в комнаты, к отцу благочинному?

– Идите, идите!.. Они там с отцом Панкратием.

И Аксинья Мелентьевна вытерла рукавом слезы, которые были вызваны едким запахом лука, но о. Антония этот жест потряс еще больше, — ему показалось, что она уже оплакивает его бедную Натоньку.

О. Антоний вошел в залу, в которой не оказалось ни души, и прошел в гостиную. Здесь, в мягких креслах, за круглым столом, сидели две характерные духовные фигуры, к которым теперь прибавилась не менее характерная третья фигура о. Антония.

С первого же взгляда о. Панкратий производил впечатление человека крепкого, энергичного, подвижного и самостоятельного. Среднего роста, коренастый, он далеко не был худ, — у него было даже маленькое брюшко и слегка раздутые щеки, но по всем признакам эти придатки, обозначающие хорошее питание, довольную и спокойную жизнь, несколько не обременяли его. Большие и в то же время быстрые глаза с острым, пронизательным взглядом смотрели уверенно, без малейшей тени беспокойства и заискивания перед начальством; движения его были просты, спокойны, как у тороватого хозяина, которому приятно принять почтенного гостя в тепле, в хорошей обстановке, с приличною закуской и выпивкой. Своим видом, манерой говорить и держаться он как бы ежеминутно повторял: я тебя принимаю с уважением, это так, потому что ты благочинный и, следовательно, некоторая спица в колеснице, но помни, что я в тебе не особенно нуждаюсь, и ежели чуть что, мне наплевать, потому что у

меня своих сто тысяч в банке!

Лицо у о. Панкратия было волосатое, суровое и смуглое, да вдобавок еще от постоянного нахождения среди хозяйства сильно загорелое. На голове тоже было много волос, но волосы эти лежали смирно, не топорщились и спокойно ниспадали до плеч, а когда о. Панкратию надо было хлопотать по делам, заплетались в косу и прятались под шапку. О. Панкратий принимал гостя в кафтане, не считая нужным облачаться в рясу.

Совсем другое впечатление производил благочинный. Состоя в родстве с самим архиереем, он получил это назначение, так сказать, не по летам. Совсем еще молоденький, с маленькою бородкой и недлинными, но кудрявыми волосами, он был одет необыкновенно чистенько и складно; узкие рукава его светленького кафтана так аккуратно охватывали белую, некрупную руку, точно созданную для того, чтоб ее целовали, и пуговицы на этих рукавах и на шее были такие миниатюрные, голубенькие, и так умеренно мягко скрипели его сапоги, и сам он был такой мягкий, деликатный и, если можно так сказать, ко всему и ко всем любовный. Казалось, что этот человек с добрыми голубыми глазами, с ясным симпатичным лицом, обрамленным золотисто-русою, как бы еще молодою растительностью, не способен никого обидеть, да, может быть, это так и было. Говорил он хорошим литературным языком, который звучал очень странно наряду с тою смесью литературного, славянского и малороссийского, по-

средством которой выражал свои мысли о. Панкратий. Все знали, что молодой благочинный, приехавший вместе с архиереем из какой-то северной губернии, имеет непосредственный доступ к владыке, и, разумеется, ценили это.

– А, отец дьякон! – с приятельскою улыбкой встретил он о. Антония, – а я собирался было к вам завернуть. Очень рад с вами повидаться!

Он подал о. Антонию руку и светским образом пожал его руку. Он вообще считал себя светским человеком и говорил, что только благодаря настойчивому требованию архиерея сделался духовным.

– Садись-ка, отче Антоние! – сказал о. Панкратий, ногой подвигая ему стул.

Он всегда называл дьякона на «ты», за исключением только тех случаев, когда был недоволен им. На это ему давала право разность возрастов, да еще и то, что он очень доброжелательно относился к о. Антонию и знал его еще мальчишкой.

Оба они смотрели на о. Антония снизу вверх, потому что наш герой отличался необыкновенно большим ростом. Если принять во внимание, что он был при этом чрезвычайно тонок, держался всегда прямо и что на его тонкой и длинной шее была посажена маленькая головка с целою кучей темных, густых кудрей, торчавших как-то кверху, да взять еще безусое и безбородое лицо с мелкими, почти детскими чертами, то станет ясно, что о. Антоний в самом деле представ-

лял своеобразную фигуру.

Он сел, откашлялся и сказал своим нежным тенорком:

– А я увидел, как вы мимо наших окон проехали, ну, и то-во... взял да и пришел вот... Не усидел... Беспокоюсь очень!

– Это вы по поводу вашей просьбы?

– Да, уж конечно... Насчет чего больше, отец благочинный?

– Я виделся с преосвященным и говорил с ним... Не могу сказать, чтоб он был очень расположен...

– Не расположен? – каким-то беззвучным голосом спросил о. Антоний. – Так, значит, не расположен... – повторил он уже для самого себя.

– У него, у преосвященного, странный характер, – продолжал благочинный, – вообразите, что он вас любит!

– Любит?! – тоном горького скептицизма промолвил о. Антоний.

– Да, представьте себе, какой странный характер! Когда я сказал ему о вашем желании и доложил ваше прошение, он промолвил: «А, этот длинный? Знаю, знаю, он славный малый и небезграмотный человек! Знаю». – «Как же, говорю, ваше преосвященство, он школой церковноприходской занимается, сам все устроил и отлично, говорю, дело ведет, за недосугом настоятеля!» Я должен был это сказать, – прибавил благочинный, обратившись к о. Панкратию, на что тот кивнул головой в знак того, что ничего не имеет против. – Да-с, так это я говорю. А он: «Вот видишь, видишь? Я всегда

на него надеялся... Этот длинный всегда мне нравился...» Ну, я думаю, значит, дело в шляпе! Ан не тут-то было. «А все-таки, — говорит, — я его священником не сделаю...»

— Что же так? — спросил о. Антоний все с тою же горечью в голосе, так как от объяснения ему никак не могло сделаться легче.

— Да представьте себе, в чем причина. Он, говорит, в тон попадать не умеет. Когда, говорит, я служил в Предтеченском монастыре и он, то есть вы, отец Антоний, был вторым дьяконом, так он, — говорит преосвященный, — никак в тон не попадал. Певчие в фа, а он в соль-бемоль, и такая, говорит, резня выходила, что хоть уши затыкай... Было это или нет, скажите, пожалуйста?

— Это было, отец благочинный! Но разве я виноват? Я никогда не служил с архиереем, а меня поставили прямо вторым дьяконом, и хоть бы репетицию какую-нибудь сделали, а то прямо — одевай стихарь и служи. Понятно, я оробел. Где ж тут в тон попадать! Так это ж совсем особь статья. А так вообще устав я знаю как свои пять пальцев, и сам владыка меня экзаменовал...

— Вот, вот, он и вспомнил. Он, говорит, и устав хорошо знает, и вообще владыка вас любит, и священником сделает, только надо повременить. Вот он и сказал: «Пускай, — говорит, — в тон попадать научиться. Он еще молодой человек»...

— Эх, эх, эх, эх! — вставил до сих пор молчавший о. Панкратий. — Хорошо ему рассуждать, коли у него детей нет, а

вот как у отца Антония их шестеро, так не то что в тон не попадешь, а и рясу наизнанку иной раз наденешь.

– Да, если бы не дети! – со вздохом промолвил о. Антоний, – если бы не дети!..

Разговор на этом оборвался. Принесли закуску и водку. О. Панкратий сейчас же вошел в роль хозяина и начал предлагать благочинному и дьякону выпить и закусить. Благочинный объявил, что голоден, и принялся за рыба, а о. Антоний отказался и с какою-то грустью следил за челюстями благочинного, теми самыми челюстями, которые только что сообщили ему такую неприятную вест, а теперь работают над рыбаком.

– Знаете, что я вам скажу? – обратился о. Панкратий к обоим. – По-моему, все это чепуха, ей-богу – чепуха! Я так полагаю, что если бы секретарь консистории⁶ захотел, да шепнул бы архиерею то, другое, третье, так все это дымом разлетелось бы. Так я полагаю.

– Н-не думаю! – сказал благочинный, но таким неуверенным тоном, что очевидно, он именно так и думал.

– А я так даже уверен. Вы меня извините, отец благочинный, вы человек еще молодой и этого знать не можете. А я-то знаю, и даже очень хорошо знаю! Необходимо надо к секретарю съездить, по, разумеется, съездить умеючи...

– Чего не знаю, о том умолчу, – дипломатически заметил

⁶ Консистория – церковное учреждение с административными и судебными функциями.

благочинный и, выпив третью рюмку, сделал естественный переход от рыбака к сардинам.

— А я вам прямо говорю и не скрываю, что вот так точно я маялся, когда просил для сына место в Духовке⁷. Чего только не говорил архиерей: и молод, и неопытен, и легкомыслен — это сынок-то мой... А я взял да поехал к секретарю. Так и так, мол, рассказал дело, к вашему влиянию прибегаю, а чтобы вы как-нибудь не позабыли, изложил в письменной форме и вот в сем конверте имею честь представить. Он не дурак и сейчас же понял, и конверта при мне не распечатал. Хорошо, — говорит, — мы посмотрим. Ну, ладно, думаю, мне только и надо, чтобы ты посмотрел, а уж там что дальше будет — известно. И что же вы думаете? Послезавтра прихожу: уж доклад сделан и революция готова: назначить!

⁷ То есть хлопотал о приеме в число студентов духовной академии, находившейся в Петербурге.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.